

Елена О. Бобровская (Минск)

Гендерный код как отражение современных гендерных позиций (синтаксический аспект)

✂ Ключевые речи:

активный синтаксический субъект, гендерные бинарные оппозиции, гендерная позиция, гендерный код, женская позиция, мужская позиция, пассивный синтаксический субъект.

Гендер прожима читав језик. Гендерни код помаже да се уоче промене гендерних опозиција и динамика синтаксичког субјекта, који одражава мушку и женску позицију, помажући да се предвиди резултат тих трансформација.

Языковой код, а значит, код синтаксический, лексический, морфологический и т.д. несут в себе гендерную составляющую, так называемый гендерный код, который эксплицитно может быть выражен средствами каждого уровня языка. Гендерность в лингвистике является языковой категорией, т.е. пронизывает не только все языковые уровни, но и другие языковые категории, которые также могут рассматриваться в гендерном аспекте. например, морфологический, в котором грамматическая категория рода обладает основным гендерным потенциалом.

По отношению ко всем языковым уровням и категориям, гендерность расположена трансцендентно, находится в независимой от них позиции, отстранена от них, но в то же время выражается их средствами, т.е. несёт объективное содержание, которое можно раскрыть для себя при помощи языковых средств. Отсюда вытекает способность гендера выражать в любой науке гуманитарного цикла своё содержание, не зависящее от этой дисциплины, но её средствами, благодаря чему можно создать междисциплинарную науку – гендерологию, которая позволит получить истинное представление о

 2011

гендере, его наполнении в каждый конкретный исторический период, т.е. проследить его динамику в целом.

Л. И. Коган указывает на то, что «гендерология (как отдельная дисциплина) может быть универсализацией до уровня отдельного предмета теоретических исследований» (Коган 2003: 50). «Гендерология, действительно, может сохранять и накапливать разнообразные представления людей о понятии *гендер*» (Коган 2003: 51). Обращение к культурологии как дисциплине философского цикла мы считаем необходимым, т.к. эта наука дает целостное представление о культурных процессах.

Человек живёт в обществе по законам, которые складываются в обществе и становятся культурной традицией. «Гендерная идентичность включена в состав культурной традиции в качестве одного из основных элементов, поскольку представления культуры о поле составляют основу для формирования человеческой личности в обществе» (Коган 2003: 137), и «связана с системой качеств, которые относятся не к полу, а к его культурной сущности, к его всеобщности (феминность, маскулинность)» (Коган 2003: 147). Идеальная феминность/маскулинность, идеальные мужские и женские роли находят своё отражение в языке. «Гендерное сознание является механизмом смыслообразования, использующим смысловое поле гендерного пространства как единое целое – как систему гендерной классификации мира и гендерной интерпретации его объектов» (Коган 2003: 239). В данном случае интерпретацию проходят языковые знаки-символы: лексические, синтаксические, грамматические средства художественного произведения.

Гендерный код в лингвистике правомерно определить как инвариантное

отражение гендерных ролей посредством раскрытия гендерных оппозиций при помощи анализа средств каждого конкретного языкового уровня. Таким образом, гендерный код в лингвистике представлен посредством наполнения гендерных оппозиций языковыми средствами. Всего существует 8 бинарных оппозиций, которые были выделены на основе досконального изучения гендерных стереотипов (сформировавшихся в культуре обобщенные представлений (убеждений) (Денисова 2002: 51):

1) *логичность/интуитивность, абстрактность/конкретность*. Именно мужественность соотносится с логичностью, а женственность – с интуитивностью (Булгаков С. Н.; Флоренский П. А.; Розанов В. В.; Логинов; Хрипкова; Колесов и др.);

2) *инструментальность/экспрессивность, сознательность/бессознательность*. Бытует стереотипное мнение, что женская чувственность, эмпатичность, эмоциональная экспрессивность отличают ее от мужчины с его инструментальной размеренностью, ориентированной на цель и компетентность. Благодаря этим качествам считается, что все женщины более гибки, отзывчивы. Мужчины же более тверды и властны (Флоренский П. А.);

3) *власть/подчинение*. Считалось, что женщине присущи преданность, жертвенность, терпение, покорность, а мужчине – противоположные качества;

4) *порядок/хаос*. Философский взгляд на гендерную дифференциацию формы и материи выражается в противопоставлении порядка и хаоса. Вместе с тем современные исследователи женской и мужской психологии не считают, что мужское начало – проявление порядка, а женское – хаоса; каждый пол отличается своим своеобразным типом деятельности;

5) *независимость, индивидуальность/ близость, коллективность*. Важный гендерный стереотип состоит в том, что женщинам свойственно следить в первую очередь не за объектами и решением каких-то задач, а за благополучием людей, составляющих их круг общения;

6) *сила Я/слабость Я*. Здесь речь идёт о силе личности, т.е. о космичном и коллективном женском принципе и о преимущественно антропологическом и личном мужском принципе;

7) *импульсивность, активность/статичность, пассивность*. В представлении Аристотеля сила, активность, движение, жизнь исходят из мужского начала, женщина же даёт только пассивную материю. Гиппократ поддерживает эту доктрину и выделяет слабое (женское) и сильное (мужское) семя. Теория Аристотеля просуществовала на протяжении всех Средних веков, вплоть до современной эпохи. Гегель также считает, что два пола должны быть различными: один – активным, другой – пассивным. Пассивность достаётся женщине. Современные исследователи противопоставляют активность, склонность к риску, деспотичность, импульсивность мужчин и покорность, пассивность, зависимость, слабость женщин;

8) *непостоянство, неверность, радикализм/постоянство, верность, консерватизм*. В культуре бытует стереотипное убеждение, что женщин отличает консервативность, верность всему состоявшемуся, мужчин – радикализм, непостоянство. Это так называемая культурная метафора.

«Словарь гендерных терминов» (Денисова 2002: 51) отражает представления о том, что два пола должны быть различными: один – активным, другой – пассивным, причём пассивность традиционно

на протяжении многих веков достаётся женщине. Л.И. Коган отмечает, что «в отношении общества гендерная динамика заключается как в создании гендеров, так и в их исторической смене» (Коган 2003: 151–152). Однако, как показывает практика, гендерные стереотипы существовали веками неизменно, пока активизация феминистского движения не привела к раскрепощению, освобождению, независимости женщины. Не учитывать современные культурные и социальные условия неправомерно. Время вносит свои коррективы. «Пол в символической сфере человеческих представлений (различного характера), так же как и любой другой объект, никогда не отражается зеркальным способом – он всегда преломляется сквозь накопленный культурой опыт взаимодействий человека с природной и социальной средой» (Коган 2003: 169). Процесс осознания своей идентичности в эпоху перемен проходит довольно сложно, ведь самоопределение теперь носит не только и не столько приспособленческий характер (примерка разработанных в обществе моделей поведения, бездумное им подражание), но и характер творческий (осознание и осмысление себя в обществе и в межличностных отношениях). Встаёт проблема выбора. Идут разговоры о дискриминации женщин, необходимости обеспечения равноправия между полами. Своеобразный культурный шок в конечном итоге привёл к тому, что бинарные оппозиции изменились (или же находятся в стадии изменения), а ядро изменений содержится в оппозиции *импульсивность, активность / статичность, пассивность*, т.к. инициативность, будучи ранее чертой мужского поведения, стала характеризовать поведение женское. Отсюда вытекает легитимность

утверждения О. А. Ворониной о том, что «основой методологии гендерных исследований является не просто описание разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, но анализ власти и доминирования, утверждённых в обществе через гендерные отношения и гендерные роли» (Воронина 2000: 15) (на отсутствие обоснования правомерности выделения такого объекта исследования указывал Л. И. Коган).

Возможность спрогнозировать результаты, понять, что происходит с гендерным сознанием в современном обществе, как повлияла глобализация и интеграция культур на мужское и женское сознание в частности, почему два пола никак не могут понять друг друга и найти компромисс, предоставляет нам лингвистика, а точнее, все уровни языковой системы. Опираясь на бинаризм человеческого сознания и на то, что «гендер есть социокультурный феномен, реализующий в социуме нормативно-ценностное строение человеческого сознания» (Коган 2003: 148), мы утверждаем, что даже переходный период не может разрушить бинарные оппозиции, он может лишь поменять акценты в расстановке их составляющих. Насколько изменились эти акценты, каков прогноз дальнейших изменений, мы и пытаемся установить в данной статье.

Предметом нашего исследования являются средства выражения синтаксической модальности с точки зрения их гендерной значимости. Авторы современного романа отражают стереотипы сознания современного человека, т.е. стереотипы мужского и женского сознания, степень осознания и принятия/непринятия мужского и женского поведения, причём это происходит в интерпретации автора-мужчины и автора-женщины.

Главными героями произведений могут быть либо мужчины, либо женщины, в зависимости от чего раскрываются мужские или женские стереотипы сознания. Именно современный роман отражает трансформацию стереотипов, потому что описывает современную нам действительность, в которой это преобразование и происходит. Семантическое наполнение синтаксических средств имеет огромное значение: интерпретация должна идти в зависимости от того, речемыслительная деятельность какого поколения описывается (отцы и дети), т.к. различия между ними должны быть радикальными, ведь два поколения являются представителями разных стереотипов; кроме того, необходимо различать сферы деятельности, о которых идёт речь в повествовании (личные и профессиональные отношения) и стадии развития межличностных отношений (отталкиваясь от чего, можно верно истолковать динамику изменения синтаксического субъекта), реальность/нереальность (фантазии, мечты, фантастические вкрапления) описываемой действительности.

Авторы современной прозы пытаются осознать последствия культурного шока, который произошёл в результате начавшегося изменения стереотипов мужского и женского поведения. В современном романе мы находим подтверждение тому, что изменение гендерных оппозиций полностью не отражается в сознании современной женщины, которая, принимая на себя активное, инициативное начало, всё же воспринимает мужчину как деятеля, созидателя, защитника, свою опору и поддержку. В сознании женщины эти характеристики мужского поведения ещё закреплены в качестве эталона. Следовательно, встречая мужчину, которого

героиня воспринимает как идеального спутника, она стремится передать ему инициативу.

Данная гипотеза подтверждается на всех уровнях синтаксической модальности: *внешнесинтаксической*, включающей отношение содержания высказывания (точнее, предикативного признака) к действительности, с точки зрения говорящего, и отношение говорящего к содержанию высказывания; *внутрисинтаксической* модальности, выражающей отношение между субъектом – носителем признака – и предикативным признаком. Динамика синтаксического субъекта, который отражает женскую позицию, может быть представлена в виде следующей схемы: жизнь до встречи идеала (активный и частично активный синтаксический субъект) → встреча: попытка передать инициативу (пассивный синтаксический субъект) → столкновение стереотипов прошлого и настоящего: смятение, метание, непонимание своей позиции или изначальная неопределённость у молодого поколения (то активный, то пассивный синтаксический субъект) → принятие активной позиции с полным её осознанием, осознание самооценности, потеря ориентации на мужчину (активный синтаксический субъект).

Синтаксический субъект трансформируется в процессе повествования. Рассмотрим это преобразование на конкретных примерах. Женщины создают мужчинам материальную и духовную базу для профессионального роста, а не наоборот. Субъективная приобретённая модальность возможности трансформируется в субъективно-объективную модальность необходимости, что свидетельствует об осознанном принятии женщиной активной позиции:

Конечно, хорошо, когда муж
никакая не знаменитость и
не общественный человек,
принадлежащий обществу, а твой
и только твой. И *можно* взять его
под руку, руку калачиком, и пойти
в гастронорм, и вместе принести
картошку в пакетах. Но где ж
таких напасёшься... *Надо* кому-то
и с талантливыми жить. [...] А есть
надо было каждый день и каждый
день растить сына. [...] На мужа
переложить ничего *нельзя*. Он
талантлив. Сын кашляет. Мать
руководит

(В. Токарева «Пять фигур
на постаменте»).

Иногда женщина сама видит несостоятельность мужчины и осознанно опровергает у него возможность инициативности, но и сама отказывается от активной позиции, что приводит её в тупик (колебание: активизироваться самой или расстаться). Желательное наклонение со значением отсутствия осуществления желания подтверждается субъективно-объективной модальностью необходимости и указывает на активную женскую позицию:

Подруги чирикали про свою
личную жизнь. У неё на личную
жизнь не оставалось ни времени,
ни сил. А даже если и *оставалось*
бы – *нельзя* ни с кем поделиться.
Нельзя бросать тень на своего
мужа, ибо он – общественное
достояние

(В. Токарева «Пять фигур
на постаменте»).

Синтаксический субъект (муж) расширяет свои возможности, становится

более активным в профессиональной сфере, но благодаря жене:

Он любил свою семью. Семья – жена. Он *мог* работать в её присутствии.

(В. Токарева «Лавина»).

Встреча достойного себе мужчины приводит к попытке передать инициативу в его руки:

Он что-то проговорил, но она не расслышала. Качнулась к нему и в грудь под рёбра вошёл нож. Она и раньше слышала: пронзила любовь, но думала, что это просто красивые слова. *Оказывается*, правда

(В. Токарева «Ничего особенного»).

Вводная конструкция *оказывается* используется в значении недавнего осознания достоверности происходящего, что говорит о становлении женской позиции как активной. Общеотрицательное предложение указывает на пассивный синтаксический субъект, отражающий женское поведение, а утвердительное – на активный, отражающий поведение мужское. Принятие пассивной позиции при встрече достойного человека может быть выражено субъективно-объективной модальностью необходимости:

Ей надоела любовь-самоотверженность. Любовь-жертва. Ей *нужна* была любовь-жалость

(В. Токарева «Ничего особенного»).

Женщина, столкнувшись с таким разочарованием, теряется, запутывается между стереотипами настоящего и про-

шлого, но затем возвращается к активной, теперь уже полностью осознанной позиции, что выражено переходом от негации к утверждению:

Каждый зависит от каждого. И Тамара зависела от Юр и скульптора. Но есть ещё и своя, только своя жизнь. Как своя музыкальная тема во вселенском оркестре. Пусть она слабенькая, наивная, флейта-пикколо. Но она *не должна* зависеть ни от первых скрипок, ни от громких барабанов, и её *надо* пропеть. Уехать из дома было трудно, но *надо*

(В. Токарева «Пять фигур на постаменте»).

На фоне женской активности, которая является осознанием и принятием новой позиции, мужская позиция характеризуется как пассивная. Например, общеотрицательные предложения и субъективная модальность невозможности указывают на синтаксически пассивный субъект, а следовательно, на пассивность мужской позиции:

Он *не умеет* двоиться, троиться, входить в положение. ... Жена знала, что бесполезно призывать к его состраданию, сочувствию и прочим со. Он *не услышит*. Он *не может* делать одновременно два дела: любить женщину и при этом беспокоиться о прежней семье

(В. Токарева «Можно и нельзя»).

Постоянно акцентируется несостоятельность мужчин или в личных отношениях, или в статусе добытчика, главы семьи, что усиливает пассивность муж-

ской позиции. Контрарные синтаксические отношения, инверсия в последнем предложении усиливают негацию как указатель на отсутствие необходимых способностей у мужчины:

Скульптор был бездарен в любви.
Он *умел* только работать. А
любить, принадлежать другому
человеку, растворяться в другом он
не умел

(В. Токарева «Пять фигур
на постаменте»).

Мужчина сознательно отрицает свои возможности, что выражено отрицательной объективной модальностью необходимости и отрицательной объективной модальностью возможности, усиливающих пассивность мужской позиции:

Я *не должен* быть счастлив. Иначе я
не смогу останавливать мгновения.
Или остановлю не те. Счастливый
человек *не имеет* зрения. Он имеет,
конечно. Но другое

(В. Токарева «Антон,
надень ботинки!»).

Контрарные отношения и повторы активизируют отрицание наличия необходимой возможности как свидетельство ярко выраженной пассивности мужчины:

(Нинина мама) Презирает меня за
то, что я живу в каком-то Шела-
путинском переулке, а не в центре.
За то, что я *не* из профессорской
семьи, что у меня *нет* зимнего
пальто, что я *не* снимаюсь в кино,
не печатаюсь в газетах, и зарабо-
тываю меньше, чем она. Чтобы
понравиться Нининой маме, я,
предположим, мог бы обменять

свою двухкомнатную квартиру на
меньшую и переехать на улицу
Горького. *Мог бы* сшить себе
хорошее пальто, напечататься в
газете. Но заработать больше, чем
Нинина мама, я *не могу*
(В. Токарева «День без
вранья»).

Таким образом, можно отметить, что мужское поведение соответствует новой гендерной роли, причём эта роль для мужчин является желательной.

Чтобы более досконально подтвердить данную гипотезу, мы попытались рассмотреть динамику синтаксического субъекта, который отражает мужскую позицию, отталкиваясь от того, что в современной действительности возврат к стереотипам прошлого может произойти при встрече истинной любви. В качестве исследуемого материала мы взяли произведение Олега Роя. С синтаксическим субъектом происходят следующие трансформации: в момент встречи своей возлюбленной мужчина от активной позиции переходит к усиленно-пассивной:

Как-то сразу Игорь *понял*, что это
она. И *ещё* *понял*, что это навсегда.
Он *не сомневался*, что *пробудет*
рядом с этой девушкой всю жизнь,
до самой смерти, и ни на мгнове-
ние *не пожалеет* о своём выборе.
Её *невозможно было представить*
себе ворчащей, рассерженной или
озлобленной. Он *даже не мог* вооб-
разить себе её постаревшей, она
казалась воплощением молодости
и очарования (общеутвердитель-
ные предложения с синтаксически
активным субъектом переходят к
общеотрицательным с пассивным
субъектом, пассивность которого

усиливается благодаря использованию усилительной частицы *даже*);

и далее:

Весь танец он молчал. То ли от смущения, то ли от переполнявших его чувств Игорь *никак не мог придумать*, что бы такое сказать (пассивность усиливается за счёт использования отрицательного наречия *никак*); – А ты устаёшь? – Он вдруг сообразил, что *даже не знает*, кем она собирается работать (усиленный пассив за счёт использования усилительной частицы).

Учитывая, что истинная любовь может способствовать проявлению ушедшей гендерной позиции, следует отметить: несерьёзные отношения не предоставляют дополнительных возможностей:

С Витой Игорь всё-таки встретился. *Возможно*, это было неразумно, но его непреодолимо тянуло к ней. Настолько непреодолимо, что он *даже не мог* сосредоточиться на дороге, что случалось с ним достаточно редко (усиленный пассив синтаксического субъекта выражается употреблением вводного слова, обозначающего неуверенность, и усилен негацией).

Или:

Игорь с трудом освободился от её захвата и легонько оттолкнул её вглубь комнаты. *Возможно*, для прекращения истерики ей не

мешало дать пощечину, но этого он *сделать не мог*.

Встреча идеальной спутницы способствует появлению дополнительных возможностей, активности синтаксического субъекта, но оказывается, что мужчина, в конце концов, получает возможность быть пассивным, и даже усиленно пассивным:

Он *мог только удивляться*, где был раньше (появление ограниченной приобретённой субъективной модальности возможности, частично активный синтаксический субъект).

Также:

А он *всё никак не мог поверить* (переход к усиленной пассивности реализуется при помощи отрицательной неприобретённой субъективной модальности возможности и её усилением отрицательным наречием и модальной частицей *всё*, обозначающей доведение негации до завершения, полной реализации).

Эпизодичными являются вкрапления активного синтаксического субъекта, но такая активность либо ведёт к пассивности, либо не реализуется:

Он опять *подумал*, что *надо* сказать ей что-то чудесное, но *промедлил и не успел*. Альбина уже закрывала за ним дверь (цепочка утвердительных предикатов обрывается негацией, которая является решающей, т.к. препятствует

реализации действия и выражает пассивность синтаксического субъекта).

Необходимо указать, что встреча с любимой может ввергать мужчину в состояние неопределённости:

– Но я *ведь* ничем ей *не обязан!*
Или *обязан*, если я живу с ними под одной крышей и ем один хлеб? (активное отрицание переходит к вопросу-утверждению, приём парцелляции акцентирует внимание на противопоставлении пассивности синтаксического субъекта, выраженной общеотрицательной модальностью долженствования, негацией предиката и его активности, что отражено положительной модальностью долженствования).

Кроме того, мужчина любит декларировать свою пассивность или негативно реагирует на попытки навязать ему активность:

В прошлый раз они расстались как-то глупо. Он *так и не решился попросить* её телефон, а сама она не предложила, может, тоже постеснялась, хотя на неё это не похоже. Девушка выглядела очень уверенной в себе. Может, решила, что инициатива *должна принадлежать* ему (усиленная пассивность мужской позиции, выраженная частицей *так и* со значением полной реализации негации контрастирует с попыткой любовницы сделать активными хотя бы обстоятельства);

или:

Он же, Игорь, ничего ей *не обещал* и никогда *не смог бы предположить*, что нужен ей для чего-то, кроме нечастых встреч и необременительных постельно-приятельских отношений,

где общеотрицательные предложения, отражая пассивность, контрастируют с общеутвердительным, отражающим попытку навязать активность, тем более что форма *нужен* – краткое прилагательное, которое не имеет полной формы, а «краткие формы прилагательных выражают активно-выделительное проявление предикативного признака» (Новиков 2003: 427) в отличие от полных форм, которые «выражают пассивно-наличный предикативный признак, свойственный предмету» (Новиков 2003: 427).

Благодаря осознанию тяготения мужчин к пассивности, можем понять, какие ошибки совершает женщина и почему наступает крах межличностных отношений:

Он нравился ей всё больше.
Первоначальный план с шантажом осуществлять уже *не хотелось*. Ей *хотелось*, чтобы он был рядом.
Чтоб забыл дорогу в этот чёртов дом. Пусть даже вдове *не будет больно* от его исчезновения. *Не надо* никакой дурацкой мести. *Это* уже *не важно*. Важно только, чтобы он *хотел быть* с ней, с Витой.

В данном отрывке мы наблюдаем неопределённость женской позиции, хотя тяготеет она к активности: отрицательная субъективная модальность желательности переходит к положительной, обстоятельства пассивны, но ошибка отношений заключается в том, что девушка

хочет, чтобы мужчина был активным, это выражено субъективной модальностью желательности, хотя сам субъект этой активности не желает.

Проведя такой обширный анализ, можно графически изобразить трансформацию синтаксического субъекта, отражающего мужскую позицию: общая пассивность синтаксического субъекта с эпизодической активностью → активность/пассивность (метание) при встрече с возлюбленной → усиление пассивности в сфере межличностных отношений: отношения с возлюбленной предполагают приобретение дополнительных возможностей, которые переходят в возможность дополнительной пассивности или эпизодичной/непродолжительной активности; несерьёзные отношения не предполагают приобретения дополнительных возможностей. В сфере профессиональных обязанностей активность зачастую сохраняется.

Для более точной идентификации желательных гендерных позиций для обоих полов, необходимо проанализировать мечты, фантазии и фантастические вкрапления современной прозы с реалистическим сюжетом. Мечты и представления хранят гендерные стереотипы прошлого.

Арон действительно говорил много. Он постоянно что-то рассказывал. Иногда это были истории из его жизни или из жизни его родственников и знакомых, но Игорю гораздо больше нравились всевозможные легенды и сказания. Выдуманные герои всегда казались мудрее ничтожного реального существа. Они могли *противостоять* судьбе, могли бороться со

злом и выходить из этой борьбы победителями. Они правильно жили, красиво любили и достойно умирали.

Главный герой восхищается *выдуманными героями* в связи с тем, что они обладают дополнительными возможностями (активность синтаксического субъекта выражена неприобретённой субъективной модальностью возможности), следовательно, ему не хватает таких дополнительных возможностей, которые он и приобретает при встрече с возлюбленной.

Анализ фантазий главной героини повести Роя «Мужчина в окне напротив» показал, что процесс активизации начался у женщин быстро, причём, в первую очередь, в профессиональной сфере, а затем распространился на личные отношения. Схема трансформации синтаксического субъекта, с учётом фантазий, следующая: общий актив синтаксического субъекта → при ощущении влюбленности переход к пассивности (многократный повтор) → передача/ навязывание мужчине должностования (многократный повтор) → при встрече реального идеала резкий переход к активности

В фантазиях всегда реализуется собственный пассив, но при описании встреч с нелюбимыми предпочтителен их пассив, а с возлюбленным – его актив. Например, описание встречи с женатым мужчиной фиксирует пассивность субъектов, что отражено последовательностью общеприятных предложений:

- Да ничего... – продолжала Ирина.
- Поговорила с ним, кое-как успокоила. Объяснила, что женатые мужчины, да еще с детьми, для

меня *не существуют*, и *не надо* мне больше *звонить* и подарки *присылать*, я все равно ничего *не приму*...

Ситуация резко меняется, если описывается встреча с импонирующим ей мужчиной:

Наверняка он будет красив, высок и импозантен, и все женщины от одного его вида сразу потеряют голову, а он будет смотреть только на нее, Иру... Или *нет*. *Не надо* ей красавцев, с ними одна ревность и хлопоты. *Пусть будет* обычный человек, симпатичный, не более того. *Может быть*, она даже не сразу обратит на него внимание, как вдруг, в разгар вечера, он *подойдет* к ней и *скажет*... (общепризнательные предложения и недеонтическая модальность целесообразности отражают пассивность женской позиции, а последовательность утвердительных – активность мужской).

Розовые мечты и смелые фантазии сталкиваются с объективной реальностью, т.к., оказывается, что пассивная женская позиция ведет к разрыву, а активная становится желательной, ожидаемой и, кроме того, доводится до абстрагирования, до объективной истины:

Однако не забыла и о подруге, взглянула на нее, раз, другой, сделала страшные глаза, качнула головой, указывая на Сашу – иди, мол, а то будет поздно. Ира вздохнула, но послушно поднялась. Что поделывать, такова доля современной

женщины – каждую секунду *надо бороться* за свое счастье... Иначе упустишь момент – и бороться уже будет не за что (субъективно-объективная модальность необходимости отражает активность синтаксического субъекта).

Контрастом может выступить усиленная пассивность синтаксического субъекта, которая выражена полной, интенсивной негацией, что ведет к разрыву отношений:

Слов «я люблю тебя», о которых так мечтают все женщины, а молоденькие девушки вдвойне, Иринка *так* никогда от него *и не услышала*. А когда спрашивала с придыханием: «Коля, а ты меня любишь?», – получала в ответ неохотное: «Ну... да. Я ж тут, с тобой».

Таким образом, трансформация синтаксического субъекта, отражающего женское поведение, является трансформацией активности, а трансформация синтаксического субъекта, отражающего поведение мужское, является трансформацией пассивности. Это ведёт к увеличению полярности синтаксических субъектов, и свидетельствует об изменении бинарных оппозиций, зачастую на противоположные, по сравнению со стереотипами прошлого. Необходимо отметить, что гендерный код на лексико-синтаксическом уровне помогает проследить изменение гендерных оппозиций, динамику синтаксического субъекта, отражающего как мужскую, так и женскую позицию, помогает спрогнозировать результат этих трансформаций.

summary

[ELENA O. BOBROVSKAYA]

Gender code as a reflection of modern gender position (syntactic aspect)

298

Language code that is the syntactic code, lexical, morphological, etc. have a gender component, the so-called gender code, which can be expressed explicitly by means of each layer of language. Genderance permeates the entire language, not only and not just individual layers of its system. It is right to define gender code in linguistics as invariant reflection of gender roles through the clarification of gender oppositions by analysis of means of each language layer. Thus, the gender code in linguistics is represented by filling the gender oppositions with language means. There are eight gender binary oppositions. The subject of our research is means of expressing of syntactic modality in gender aspect. The authors of the modern novel reflect stereotypes of modern people, i.e. stereotypes of male and female mind, stereotypes of masculine and feminine behavior, with the interpretation of author-women and author-men. Binary opposition of gender relations for the last thirty years has change dramatic. These changes should be taken into study, account, interpreter, to predict the recent changes, to correct for the future. If we compare feminine position and masculine one now and before, we can see they are opposition. That is why we should be aware of modern gender position.

Литература:

- Воронина 2000: **Воронина, О. А.** *Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе*. Из: ОНС. – Москва. – № 4. – С. 9–20
- Коган 2003: **Коган, И. Л.** *Гендерная культурология: культура пола и пол культуры*. – Минск. – 36 с.
- Денисова 2002: **Денисова, А. А.** *Словарь гендерных терминов*. – Москва. – 255 с.
- Новиков 2003: **Новиков, Л. А.** *Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис*. – Санкт-Петербург. – 864 с.